

ЧЕТВЕРГЪ, СЕНТЯБРЯ 2-го 1848.

ГODOVAYА ЦѢНА

За 30 номеровъ 11 р. 50 к. сер.
За пересылку и доставку 1 р. 50 к. сер.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

КОНТОРА ГАЗЕТЫ НАХОДИТСЯ

въ С. ПЕТЕРБУРГѢ:

На Невскомъ проспектѣ, у Полицейскаго моста, въ домѣ Голландской церкви, въ книжномъ магазинѣ И. А. Ратькова.

въ МОСКВѢ:

У книгопродавцевъ Манухина и Свѣшниковыхъ, на Никольской улицѣ.

Выходитъ еженедельно, по четвергамъ, тетрадью, заключающею 5 листовъ, въ 8-ю долю.

Науки, искусства, иностранная и русская литература, критика, театр, концерты, публичныя зрѣлища и увеселенія, библиографія русская и иностранная, заграничныя письма, разныя новости и мелкія извѣстія.

СОДЕРЖАНІЕ:

Русская Словесность. — Плавъ Бородинской битвы. — И. Тютчевскій Легенды. Стихотворенія. — Отрывки изъ Лесковина. Иностранная Словесность. — Мичманъ Изг. Сидѣсъ. — Способъ узнавать врага по звѣздамъ. Петербургскія письма.

Марья Митрофанова, — старуха, его мать. Фролъ, — его братъ. Прасковья, — жена Фрола. Ненина, — жена другого брата. Тимофей, — цѣловальникъ. Левонъ, — молодой парень. Нямой, — прозванный кривулею. Мальчички { 1-й } дѣти Прасковьи. { 2-й } Дѣвочка Парамонъ, — купецъ. 1-й { старикъ. 2-й } 1-й { мужчины. 2-й } 3-й { 4-й } 1-я { женщины. 2-я } 3-я { 4-я } 1-я { дѣвушки. 2-я } Гришка. Терешка. Нѣсколько другихъ мальчиковъ.

съ хлѣбомъ и солью. Скамья и стулья. Мотовило. Въ одномъ мѣстѣ брошенные сапоги, въ другомъ кушакъ и шапка. На палатахъ розга для дѣтей.

ЯВЛЕНІЕ I.

Прасковья въ будничномъ платьѣ, то хлопочетъ около печи, то тчетъ красна, то вытираетъ столъ в лавки, то около ребятокъ, то качаетъ люльку, въ непрестанномъ движеніи, работъ и заботахъ. При поднятіи занавѣса она сядитъ за ткацкимъ станкомъ. Старуха Марья, одѣтая по праздничному, разматываетъ пряжу на мотовилѣ, сидя на скамьѣ у стола. Двое ревать, дѣтъ по 10 и 9-ти, сидятъ на лавкѣ, играя въ извощикъ. Миленькая дѣвочка сидитъ близъ матери на полу. Фролъ лежитъ на палатахъ.

СТАРУХА.

Дожили и до Ильина дня, а все Богъ не дастъ дождечка. Поди ты вотъ! А еще, кажется, шла передъ стадомъ черная корова. Все-то въ полѣ пересохло. Рожь-то, рожь-то, подумашь. Господи ты Владыко! Точно человекъ въ болѣзнь! Тонкая, худая, такъ голову и повѣсила; такъ вотъ, кажется, и говорить: «умираю, умираю! дай отецъ капельку!» (Между тѣмъ у ней порвалась пряжа.) Прасковья! подитко моя матушка, свяжи опять мнѣ пряжу. — Ничего не вижу.

Прасковья, (подходя и связывая).

Отъ ты съ своей пряжей. Напрясть не направишь, а только изорвешь, что и люди-то направи. Ну, на, вотъ, наматывай!

(Отходитъ.)

СТАРУХА.

Спасибо, родная. Было время и работала почище тебя, да не случала старухами. Да вотъ и теперь, хоть на одинъ поставецъ въ годъ, а пряжи наматую. Не тебѣ чета.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПАМЯТЬ

БОРОДИНСКОЙ БИТВЫ,

СВѢДСКАЯ КАРТИНА 1839 ГОДА, въ 2-хъ дѣйствіяхъ.

Сочиненіе, современное торжеству открытія Бородинскаго памятника.

И. Е. ВЕЛИКОПОЛЬСКАГО (ИВЕЛЬЕВА.)

Представлена въ первый разъ на Императорскомъ Александринскомъ театрѣ 28-го апрѣля 1848 года.

Каждый долженъ служить своему отечеству чѣмъ и какъ можетъ

Бессмертные дѣла живутъ памятью народовъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Илья Степановъ, — отставной миввалъ, утеръ-офицеръ. Аннушка, — его дочь.

Хоръ, прообразующій общій народный голосъ.

Дѣйствіе въ деревнѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ВИДЪ 1-й.

Изва крестьянина Фрола Степанова. Палати. Источенная, закрытая заслонкою, вѣлая печь; въ ней пироги и горшечекъ съ кашей. Ходъ въ подполье близъ печи. Првготовленная лучина. Рукомойникъ, съ повѣшеннымъ на немъ полотенцемъ. Шкафъ, въ немъ посуда и штофъ съ виномъ, близъ него другія полотенца для обтиранія посуды. Мочала, для стиранія съ лавокъ и столовъ. На стѣнѣ зеркальцо. Къ сторонѣ печи ткацкой станокъ, близъ него на шесть повѣшенная люлька. Сундукъ съ вѣдьемъ. Въ переднемъ углу, къ авансценѣ, накрытый столъ

2.

ГОЛУБЬ.

Послушай! я расскажу тебѣ прекрасную повесть, повесть объ одномъ изъ чудныхъ дѣлъ пророка. (Чудесь, совершенныхъ набранныхъ, много!) Всемогущій Аллахъ свидѣтель истины словъ моихъ.

Пророкъ совершалъ послѣ-полуденный намазъ и лишь только окончилъ молитву и отеръ руками лицо, съ правой стороны прилетѣлъ голубь, и сѣлъ къ нему на козлы. Пролитая слезы, говорилъ онъ:

— Пророкъ Божій защити и скрой меня! За мною гонится ястребъ; вотъ уже три дня преслѣдуетъ онъ меня и жаждетъ лишить жизни. Если ты можешь укрыть меня, то укрой скорѣе; если не защитишь меня, трое дѣтей моихъ останутся сиротами. Покрайней мѣрѣ дай мнѣ средство улетѣть отъ него! При твоей помощи, я могъ бы взвиться высоко—высоко и скрыться отъ врага.

Пророкъ выслушалъ слова голубя и благословенныя очи его наполнились слезами.

— Скройся ко мнѣ въ рукавъ! сказалъ онъ:—тутъ будешь ты цѣлъ.

Только что спрятался голубь въ рукавъ пророка съ небесной тверди спустился ястребъ. Крикомъ своимъ потрясалъ онъ небо и землю.

— Посланникъ Аллаха Всемогущаго! восклицалъ онъ:—не скрывай моей добычи и тотчасъ же отдай мнѣ ее; иначе я могу повредить тебѣ. Не скрывай отъ меня моего лова, я не соглашусь отпустить его. Не лицепрятствуй! У меня шестеро птенцовъ: они слѣзатъ глазами за мной полетомъ и ждуть, скоро ли я возвращусь къ нимъ съ добычею.

Пророкъ отвѣчалъ ему:

— Уступи мнѣ этого голубя; вмѣсто его дамъ я тебѣ овцу.

— Я не возьму твоей овцы, сказалъ ястребъ:—не уступаю тебѣ голубя.

— Своего тѣла дамъ тебѣ, отвѣчалъ пророкъ:—только уступи мнѣ голубя.

Ястребъ какъ будто обрадовался рѣчи Магомета, обрадовался, что будетъ вѣсть тѣмъ пророка. Посланникъ Аллаха повѣлъ подать себѣ ножъ; арабовъ его облоупыниѣ. Пророкъ взялъ ножъ въ правую руку и ударилъ имъ по своему благородному тѣлу; но свершилось чудо—ножъ не рѣзалъ. Въ глазахъ избраннаго виднѣлась печаль, чтоонъ не можетъ выкупить голубя.

Тутъ голубь встрепенулся и явился вѣстникомъ Всемогущаго, ястребъ встрепенулся и сталъ исполнителемъ воли Вышняго; оба рядомъ пали ницъ передъ величьемъ избраннаго.

— Мы хотѣли, говорили они:—видѣть какое либо изъ чудныхъ дѣлъ твоихъ, мы пришли испытать доброту твоего сердца. Ты великодушенъ, Магометъ, посланникъ Аллаха, избранный, прости насъ... То было повелѣніе Всемогущаго. О заступникъ, князь пророковъ, возлюбленный посланникъ Аллаха, высшій, лучшій изъ послонъ Его, красота міра, пророкъ послѣднихъ временъ, ходатайствуй о насъ передъ трономъ Аллаха.

Окончивъ молитву къ пророку, духи улетѣли на небо.

М. М.—онъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ДНЕВНИКА.

I.

Должна бы я вчера поплакать, а досадно—слезъ не было Души изъ горя пустота?... Мнѣ видѣлась въ тебѣ, сводъ неба ненаглядный, Все таже кроткая, ... красота;

И мнѣ не плакалось. А вѣчнаго разрыва, Последняго, я знаю, былъ вчера Великій дѣнь И что жъ минунаго порыва Печали, жалости изъ злости, изъ добра. Я не нашла въ себѣ... а можно бы въ утѣшенье Вообразить—тогда хоть самоотверженіе!

Конечно, то была бы прекрасная забава, Но и она на мысль мнѣ не пришла. Прошедшее, прощай! тебя забвенью право, Я весело и полно отдала,

Не то что бы ты успѣю мнѣ наскучить. Но не тебѣ ни рвать, ни мучить!

Съ послѣднимъ я разсталась безъ укора, Что памятью служить могло бы мнѣ. Повѣрьте: не было тутъ влоха, къ небу взора.

И на яву легко мнѣ и во снѣ... Я вихрь люблю когда онъ налетаетъ И листъ гиндой отъ вѣтокъ обрываетъ.

II.

Два три дома кривыхъ, а одинъ все закрытъ Будто днемъ ему спится; Колесо у колодца скрипитъ, Будто пѣсню поетъ и вертится; Ребятипекъ толпа и кричатъ я шумить, Собаченки на солницѣ играютъ... Ужъ не знаю, изъ нихъ кто дружитъ межъ собой, И заботы имъ нѣтъ что столбомъ вихрь съдой Съ переулка на нихъ налетаетъ ...

Хоть бы липа мнѣ была въ окно! Хоть бы озеръ бѣлой чертою Мнѣ блеснуло вдали! Все одно, И все тожъ, и все пылью несеть городскою!... И откуда пыль эта явилась? Да! сейчасъ пролетѣлъ чай—то тощій рысакъ, Чуть дыша пара дрожекъ тащилась...

Чьи они?—стоитъ только спросить; Любовзательности стало бы только—отвѣтомъ Ни кто не замедлитъ... На это Нагляднись сонъ станетъ клонить... И видишь, какъ волны за волнами бродятъ, Какъ парусы къ берегу дружно бѣгутъ. Какъ куполы, башни сверкая встаютъ И звѣздами въ небо уходятъ ...

III.

Тебя ль мнѣ вспомнить? Дни за днями Умчались, годъ еще прошелъ;

И врагъ съ врагомъ, и другъ съ другомъ
Встрѣчались, — насъ же Богъ не свелъ.
Ты не жалеешь? вѣтъ? далеко
Начеда память обо мнѣ,
Какъ омываетъ кругъ широкій
На свѣтлой, блестящей водѣ;
И память прошлаго, конечно,
Хранить томительно одна
Душа тоскующая, — вѣчно
Недвижно сиящая волна!..
Года замѣняются другими,
И постарѣемъ я и ты,
И скучно встрѣтимся чужими
Среди скучной, чуждой пустоты;
Съ души цвѣтъ холодно и грозно
Успѣетъ время оборвать...
Другъ друга встрѣтимъ мы-такъ поздно,
Что хоть бы во все не встрѣчать....

IV.

Иль мы такъ молоды, счастливы и богаты,
Что намъ недорого ничто, не жаль утраты.
Иль честолюбцы мы, что вдалѣ стремимъ нашъ
взоръ.
И болѣе чѣмъ другъ намъ надобенъ просторъ,
Иль мы премудры такъ, всему узнали цѣну,
Что палшей мудрости тотчасъ найдемъ замѣ
ну.
Иль всякій такъ ужъ гордъ, себя считая всѣмъ,
Что не дивимся мы, не плачемъ ни вдалѣ чѣмъ?
Утратъ не перечесть! Безвременно въ мо
гилу
Исходитъ дивное... Оно довольно жгло,
Шумитъ толпа кругомъ, оно свой путь про
шло,
И совершило все, что совершить могло!

V.

Меня ли клонитъ сонъ, природы ль усыпленье
Кладетъ покой мнѣ въ грудь, смиреннѣе думъ
вознеенье,
Но я надъ жизнью и празной и пустой
Не думаю! Такъ день окончивъ путевой
О трудностяхъ его забывъ, о дальней цѣли
Не мыслить. Мы прошли то, что пройти
успѣли —

Довольно, какъ прошли—что нужно? какъ
пройдемъ?—
Что нужно? въ даръ другинѣ, себѣ, что
принесемъ?—
На что намъ знать? къ чему заботиться? До
рога
Еще долга, какъ знать! и сна въ ней надо
много...
Зачѣмъ не твердою, усталою ступой
Стать на дрожавшій край той бездны роко
вой,
И въ глубь ея глядѣть, какъ тамъ тоска не
дремаетъ

Н. Хвощинская.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

МИЧМАНЪ ИЗЕ.

(Романъ капитана Мариетта.)

Ч А С Т Ь I. (*)

Г Л А В А XIV.

Только что суда скрылись изъ виду.
матросы Nostra Senoga del Carmen рассу
дили, что наступила пора и повеселить
ся; вынесли на палубу нѣсколько ведеръ
вина, и такъ проворно осушили ихъ одинъ
за другимъ что, немедленно погрузи
лись въ сонъ, кромѣ рулевого, которому
вмѣсто 32 хъ румбовъ компаса мерещи
лось шестьдесятъ-четыре, и который
слѣдственно, правилъ бригамъ съ двой
нымъ искусствомъ. Однакожъ скоро и онъ

(*) См. ЛЕЛѢ 31, 32, 33 и 34 Литер. Га
зетъ.

заплатилъ дань соединеннымъ силамъ
Бахуса и Морфея; ноги его загрозили,
онъ потерялъ равновѣсие и повалился воз
лѣ руля; а Nostra Senoga del Carmen, пре
доставленная самой себѣ, пошла по вѣт
ру и перемѣнила свой путь всякій разъ,
когда вѣтеръ перемѣнялся. Въ такомъ
плаваніи прошла бѣлая половина ночи.

Между тѣмъ Джонъ и Мести осматри
вали каютаскую каюту, и нашли въ ней
четыре тысячи долларовъ. Они рѣ
шили не показывать ихъ командѣ; за
перли деньги въ шкафъ, а ключъ Джонъ
взялъ къ себѣ. Наконецъ и они усѣлись
за столъ и начали разговаривать; но тру
ды послѣднихъ сутокъ, проведенныхъ
безъ сна, такъ утомили Джона, что онъ
положилъ голову на столъ, и заснулъ про
тивъ воли. Мести немного долѣе борол
ся съ дремотой, но наконецъ уступилъ
усталости; голова его опустилась на
грудь, и въ часъ по полуночи на всемъ
бригѣ не осталось ни одного открытаго
глаза. Около четырехъ часовъ, голова
Мести съ груди свалилась на столъ, что
заставило его очнуться.

— Неужели я заснулъ! подумалъ негръ,
и подошелъ къ открытому окну, высу
нулъ голову и закричалъ.

— Вѣтеръ прямо съ кормы, и они мнѣ
не сказали! Онъ выбѣжалъ наверхъ; и
увидѣвъ, что всѣ спали, а бригъ носил
ся по вѣтру, позвалъ Джона на по
мощь, и нашъ герой, проснувшись, вы
шелъ къ нему.

— Плохо вѣтъ дѣло, масса Изе; мы
всѣ вмѣстѣ идемъ къ бѣдѣ... мерзкіе
нянницы! хоть бы одинъ не спалъ! всѣ
лежатъ какъ убитые... но я ихъ славно
вытрезвлю.

При этихъ словахъ Мести выпилъ нѣ
сколько ведеръ воды на сонныхъ.

— Клянусь Богомъ, вскричалъ въ то
же время Джонъ, они поступили противъ
артикуловъ Устава; да впрочемъ я имъ
торжественно прочту его завтра.

— А я сдѣлаю нѣчто поважнѣе, ска
залъ Мести; пойду, запру все вино и бу
ду раздавать его по порціямъ. Надо это
сдѣлать поскорѣе, пока они не просну
лись.

Онъ сошелъ внизъ. Джонъ остался
размышлять.

— Кажется я сдѣлалъ большую глуп
ость, подумалъ онъ; я долженъ во
звѣстать съ мошениками, — которые на
пиваются безъ всякаго уваженія къ Мор
скому Уставу. У меня большое судно,
а людей мало; что я буду дѣлать, когда
случится буря? Я еще плохо съ паруса
ми справляюсь, а править кораблемъ ни
я, ни вся моя команда несмыслимъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ДНЕВНИКА.

I.

Должна бы я вчера поплакать, а досадо —
Слезъ не было Души иль горя пустота?..
Мнѣ видѣлась въ тебѣ, сводъ неба ненагляд
ный,
Все таже кроткая, ... красота;

. . . . .
. . . . .

*

И мнѣ не плакалось. А вѣчнаго разрыва,
Послѣднаго, я знаю, былъ вчера
Великій день. И что жъ? минутнаго порыва
Печали, жалости иль злости, иль добра,
Я не нашла въ себѣ... а можно бь въ утѣ-
шенъе
Вообразить—тогда хоть самоотверженъе!

*

Конечно, то была бь прекрасная забава,
Но и она на мысль мнѣ не пришла.
Прошедшее, прощай! тебя забвенью право,
Я весело и полно отдала,

Не то что бъ ты успѣю мнѣ наскучить.
Но не тебѣ ни радовать, ни мучить!

* * *

Съ послѣднимъ я разсталась безъ укора,
Что памятью служить могло бы мнѣ.
Повѣрьте: не было тутъ вздоха, къ небу
взора,
И на яву легко мнѣ и во снѣ....
Я вихрь люблю когда онъ налетаетъ
И листъ гнилой отъ вѣтокъ обрываетъ.

III.

Тебя ль мнѣ вспомнить? Дни за днями
Умчались, годъ еще прошелъ;

И врагъ съ врагомъ, и другъ съ друзьями
Встрѣчались, - насъ же Богъ не свелъ.
Ты не жалеешь? нѣтъ? далеко
Исчезла память обо мнѣ,
Какъ исчезаетъ кругъ широкій
На свѣтлой, блестящей водѣ:
И память прошлаго, конечно,
Хранить томительно одна
Душа тоскующая, - вѣчно
Недвижно сияющая волна!..
Года замѣнятся другими,
И постарѣемъ я и ты,
И скучно встрѣтимся чужими
Среди скучной, чуждой пустоты;
Съ души цвѣтъ холодно и грозно
Усвѣтетъ время оборвать...
Другъ друга встрѣтимъ мы - такъ поздно,
Что хоть бы во все не встрѣчать....

IV.

Иль мы такъ молоды, счастливы и богаты,
Что намъ недорого ничто, не жаль утраты.
Иль честолюбцы мы, что вдаль стремимъ нашъ
взоръ,

И болѣе чѣмъ другъ намъ надобенъ просторъ,
Иль мы премудры такъ, всему узнали цѣну,
Что падшей мудрости тотчасъ найдемъ замѣ
ну,

Иль всякій такъ ужъ гордъ, себя считая всѣмъ,
Что не дивимся мы, не плачемъ ни надъ чѣмъ?
Утратъ не перечесть! Безвременно въ мо
гилу

Нисходитъ дивное. .. «Оно довольно жило,
Шумить толпа кругомъ, оно свой путь про
шло,

И совершило все, что совершить могло!»

. . . . .
. . . . .
. . . . .
. . . . .

Довольно; какъ прошли—что нужды? какъ
пройдемъ?—

Что нужды? въ даръ другимъ, себѣ, что
принесемъ?—

На что намъ знать? къ чему заботиться? До
рога

Еще долга, какъ знать! и силъ въ ней надо
много...

Зачѣмъ не твердою, усталою стопой
Стать на дрожащій край той бездны роко-
вой,

И въ глубь ея глядѣть, какъ тамъ тоска не
дремлетъ

• • • • •

Н. ХВОЩИНСКАЯ.